

А. И. Фалилеев

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
a.falilejev@gmail.com

ВНОВЬ О КЕЛЬТСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СЛОВАКИИ

В статье рассматривается ряд географических названий с территории современной Словакии, которые были проанализированы в недавних публикациях как лингвистически кельтские. В первой части рассмотрен известный только по *Географии* Птолемея топоним Σιγγόνη, во второй — гидронимы, первая фиксация которых относится к средневековью или Новому Времени (Орава, *Kubra*, *Nuduna*, *Gardubarto* / *Gardubartu*). Все эти географические названия не могут быть признаны лингвистически кельтскими по целому комплексу причин, в первую очередь — по собственно языковым.

Ключевые слова: древнекельтские языковые остатки, топонимика, Словакия, историческая грамматика кельтских языков.

Alexander Falilejev

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia. a.falilejev@gmail.com

Celtic geographical names of Modern Slovakia, revisited

The paper looks at a number of geographic names attested in and/or associated with the territory of modern Slovakia which have been considered linguistically Celtic in recent literature. The first part of it deals with the toponym Σιγγόνη (probably **Singō*) attested only in Ptolemy. Although V. Blažek (2020) has claimed a Celtic etymology for it, it is argued that the suggested analysis contradicts the rules of historical Celtic grammar. Moreover, the toponym is normally located in the area with a highly disputable presence of linguistically Celtic geographic names, even though archaeological remains traditionally associated with “Celts” are well known in the region. In view of the available data Σιγγόνη may tentatively be associated with the Dacian layer of toponymy, also taking into consideration that the “Dacian-Celtic horizon” has been established for the area by archaeologists. This linguistic attribution should be treated with extreme caution, of course, due to our state of knowledge of Dacian, but Σιγγόνη’s linguistic Celticity, at least within approaches already suggested, should be denied definitely. The second part of the contribution critically surveys the attempt to see in *Orava* a linguistically Celtic hydronym. This suggestion has been criticised briefly in Falilejev 2014: 42, but as references to the Celticity of the river-name still appear in academic publications, this required a revisit. It is shown that the suggested Celtic

etymology, which takes into consideration data of Continental hydronymy (cf. modern *l'Avre*, *l'Evre* or *l'Arvan*) and Insular Celtic vocabulary (e.g., *W. erw* 'acre, field'), is difficult from the linguistic standpoint, and this attempt also contains a number of serious misinterpretations. Although the area of the river-basin is known for its archaeological "Celticity", there are no reasons to make a claim for any linguistic Celticity of the area, and the arguments on the contrary provided by the advocate of the hypothesis are basically irrelevant. Moreover, it has been argued (cf. Falileyev 2014: 39-46) that in Eastern Europe there are no traces of linguistically Celtic hydronymy, at least unquestionably, and that river names attested in late sources only, cannot be Celtic. Thus *Nuduna* formally allows a Celtic analysis, but here we deal with "the long arm of coincidence", to use the coinage of P. Sims-Williams (2006). The recently offered Celtic treatment of hydronyms *Kubra* and *Gardubarto / Gardubartu* are also linguistically erroneous, and those should also be excluded from the list of *Alt-celtischer Sprachschatz* of Slovakia.

Keywords: *Alt-celtischer Sprachschatz*, toponymy, Slovakia, Celtic, historical grammar.

Введение

Присутствие кельтов на территории современной Словакии в древности, в принципе, не вызывает сомнений. По понятным причинам эти выводы основываются, прежде всего, на историко-археологических данных, см. классическую монографию Pieta 2010, где подытожены наблюдения поколений исследователей. Однако сам факт применения терминов «кельт» и «кельтский» в отношении древних насельников европейских территорий и анклавов в Малой Азии вызывает непрекращающуюся и вновь возобновляющуюся дискуссию. Впрочем, нет никаких сомнений, что эти термины остаются адекватными в их применении не к археологическому материалу, а собственно к данным языка, известным также и по разнообразным памятникам Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (ср. Falileyev 2014: 9–15). Язык этих данных не свидетельствует в пользу его отличия от языка древнекельтских памятников территории Галлии (ср. Eska 2013), однако при этом следует учитывать тот факт, что в нашем распоряжении из этих регионов имеются исключительно ономастические данные, которым свойственен известный консерватизм. Не исключением их этого правила является и корпус лингвистически кельтских данных и с территории современной Словакии.

Рассматривая этот корпус следует сразу же учесть, что как и в остальных восточно-европейских регионах на территории

Словакии не обнаружено надписей на собственно древнекельтском наречии. Впрочем, в некоторых устных выступлениях словацких археологов высказывалось предположение, что мы находим такой текст на сосуде латенского времени из поселения, расположенного на территории современного поселка Чатай (Čataj) в юго-западной Словакии, находящегося в 19 км к юго-западу от Трнавы. Понятно, что латенская археологическая культура традиционно ассоциируется с кельтским присутствием, а этот регион современной Словакии действительно известен её памятниками, ср. Pieta 2010: 22–25 *et passim*. Однако мы определенно имеем здесь дело с орнаментом (см. Falileyev 2014: 14), и вместе с надписью из Ромулы (совр. деревня Решка, Румыния), читаемой некоторыми лингвистами как текст ЮОПТ / VAPFSI на древнекельтском, но являющейся на самом деле плохим отпечатком штампа (Falileyev 2007: 149 с дальнейшей библиографией), эти два фрагмента можно рассматривать исключительно в контексте *Inscriptiones Pseudocelticae*, в этой связи ср. Stifter 2012.

Таким образом, весь корпус кельтских данных с территории современной Словакии сводится к антропонимам и географическим названиям. Антропонимы представлены неравномерно. В отличие от многих других ареалов восточной и, особенно, юго-восточной Европы, на территории современной Словакии не засвидетельствовано ни одного кельтского личного имени в надписях римского времени. Это, впрочем, ожидаемо с сугубо исторической точки зрения, и, в частности, связано с весьма ограниченным количеством латинских надписей; при этом следует упомянуть, что попытки выявить и в них кельтскую составляющую являются несостоятельными, ср. Falileyev 2015: 172–76. Однако именно с этим регионом связаны находки антропонимов кельтского лингвистического происхождения до-римского времени. Они известны по монетным легендам, и интерпретация этих данных (напр. *Biatec*, *Bussumarus*, *Cobrouomarus* или *Iantumarus*) продолжает оставаться в центре внимания лингвистов-кельтологов, ср. Stifter 2015. Что же касается географических названий, то, как было показано в Falileyev 2014: 105–119, лишь малая часть обычно рассматриваемых в этой связи данных может оказаться кельтской по происхождению. В указанной монографии, вышедшей в 2014 г., были критически проанализированы географические названия территории современной Словакии, которые — с тем или иным успехом — рассматривались как имеющие кельтскую этимоло-

гию, в том числе и попытку А. К. Шапошникова (2012) лингвистически кельтского анализа гидронима Орава, см. Falileyev 2014: 45. Поскольку ссылки на предложение Шапошникова видеть в нем название кельтского происхождения все еще оказываются на страницах академических публикаций (ср. напр., Piadi 2021: 174), появилась необходимость представить более расширенные аргументы, возражающие этой гипотезе. В первой же части этой работы будет рассмотрен зафиксированный только в *Географии* Птолемея топоним Σιγγόνη, который был недавно рассмотрен В. Блажеком (Blažek 2020: 152) как лингвистически кельтский.

Ι. Σιγγόνη

Топоним Σιγγόνη зафиксирован только в *Географии* Птолемея (Ptol. II, 11), и так как Птолемей помещает его во фрагменте, обычно ассоциируемым с территорией современной Словакии (Καλαμαντία — Σιγγόνη — Ἄναυον), не случайно, что многие современные исследователи ассоциируют соответствующий населенный пункт с юго-(западом) страны, см. уже Šimek 1949: 41, 102, 108 и сл., Řehák, Květ 2002: 52 и ср. Kukuča 2017: 43, где удобно приводятся ссылки и на его иные локализации. Он не рассматривается как кельтский в Sims-Williams 2006, и анализируя лингвистически кельтские данные *Germania Magna* свода Птолемея, П. Де Бернардо Штемпель резонно рассматривает это географическое название среди некельтских и / или искаженных названий ареала (De Bernardo Stempel 2008: 191–2). Кс. Деламар, впрочем, включает Σιγγόνη в свой словарь древнекельтских географических названий, но никак его не комментирует и не приводит его этимологию (Delamarre 2012: 238). В другом словаре древнекельтской топонимии, вышедшем практически одновременно с работой Деламара (см. DCCPN), он не рассматривается. С точки зрения, высказанной в Scheungraber, Grünzweig, Nedoma 2014: 314–6, топоним не может быть германским, и со знаком вопроса допускается его кельтское, фракийское или дакийское происхождение. Он не рассматривается в связи с древнекельтской топонимией современной Словакии в работе Falileyev 2014: 107–119. Однако В. Блажек, впрочем, без ссылок на предыдущие исследования, настаивает на том, что географическое название Σιγγόνη является лингвистически кельтским (Blažek 2020: 152), и этот подход к интерпретации топонима нуждается в комментариях.

Аргументация Блажека сводится к следующему. Во-первых, он отмечает наличие производных от кельтск. **sing(i)*- в древнекельтской континентальной ономастике, напр. *Singi-dunum*, *Singiacus*, *Singilia* и т. д. При этом он ссылается на компендий А. Холдера *Alt-celtischer Sprachschatz*, опубликованный в 1896–1910 гг., и понятно, что за более чем век изучения древнекельтских языковых остатков Европы интерпретация их значительно изменилась. Более того, подавляющее большинство этих примеров кельтскими определенно не является, а подобная лингвистическая атрибуция немногих оставшихся форм вызывает значительные сомнения, ср. Sims-Williams 2006: 227 и см. подробно Falileyev 2013: 124–127. Справедливости ради следует отметить, что Деламар, для которого *Σγγόνη* является кельтским, при обсуждении *Singi-dunum* вынужден был все-таки отметить возможность иной лингвистической принадлежности **sing(i/o)*- (Delamarre 2012: 237). Второй аргумент Блажека состоит в том, что в островных кельтских языках имеется *comparanda*, которая позволяет интерпретировать древнекельтские данные. Этот аргумент тоже нельзя признать убедительным. Чешский ученый полагает, что сопоставление с др.-ирл. *séig* ‘сокол’ представляется наиболее перспективным для объяснения континентальных данных. Однако оно было давно уже признано «фонетически невозможным» (Sims-Williams 2006: 227), а П. Де Бернардо Штемпель упоминает о невозможности этого сопоставления с морфологической точки зрения (De Bernardo Stempel 2008: 192). Впрочем, этот упрек можно обойти, если вместе с Э. Шимеком рассматривать *Σγγόνη* как форму косвенного падежа, образованную от основы на *-n* (Šimek 1949: 40 и 102), ср. Scheungraber, Grünzweig, Nedoma 2014: 314. Однако и в таком случае проблемы, связанные с интерпретацией **Singō* (resp. **Singū*) остаются.

Менее привлекательно (но возможно), с точки зрения Блажека, сопоставление с др.-ирл. *seng* ‘узкий’ (аналогично в Kukuča 2017: 69, ср. также De Bernardo Stempel 2008: 192, где приводится **sweng-*), но оно фонетически невозможно — ирландское слово традиционно возводят к общекельтск. **suengo-* (см. Matasović 2009: 363), а кельтск. **su-* сохраняется в галльском в отличие от ирландского.¹ Это является обще-

¹ Сходное заблуждение находим и в попытке А. И. Илиади (2021: 173) возвести название потока в бассейне реки Ваг *Kubrā* к кельтск. **kumb-ro-*. Для объяснения **-mbr-* > *br* автор ссылается на ирл. формы типа

принятым мнением и подтверждается не только ономастическими данными (ср. галльск. личное имя *Suadullus* и ирл. *Sadb* из кельтск. **suādu-* ‘сладкий’, см. Falileyev 2007: 133), но и данными немногочисленных галльских текстов, ср. *suiorebe* < **suesor* ‘сестра’ или *suante* < **suantā* ‘желание’. Более того, уже эксплицитно было отмечено, что сопоставление первой части композита *Singi-dunum* с др.-ирл. *seng* ‘узкий’ маловероятно именно по этой причине (Matasović 2009: 363). Таким образом, анализ В. Блажеком топонима *Σγγόνη* как кельтского не может быть принят, в первую очередь — по причинам историко-фонетическим. Можно здесь отметить, что П. Де Бернардо Штемпель допускает возможность искаженности названия в тексте Птолемея, и в таком случае также указывает на и.-е. **seng^u*- (как в нем. *sinken*) как его источник (De Bernardo Stempel 2008: 192). Это крайне маловероятно по фонетическим причинам (и.-е. **g^u* > кельтск. **b*), и.-е. корень не отражен в большинстве языков, включая кельтские, и сам факт его реконструкции, в частности, в германском языкознании, оспаривается. Немаловажно, что ни в древнекельтской ономастике и ни в общекельтском лексиконе мы не находим ни неоспоримых параллелей, ни надежных объяснений для *Σγγόνη*, см. Matasović 2009 или DCCPN.

К этому можно добавить и ряд соображений экстралингвистического порядка. Неоднократно отмечалось (ср. Falileyev 2007: 2–3; 2014: 11–12), что обычно в Восточной Европе кельтские географические названия не одиночны, а образуют своеобразные анклавы. Согласно многим историческим построениям, *Σγγόνη* должно быть локализовано в регионе линии, соединяющей сегодняшние Комарно и Нитра, ср. недавно Kukuča 2017: 68 с попытками указать более точное местоположение, *Šuranu* или (менее вероятно) *Nové Zámky*. Ареал известен своим «кельтским» археологическим ландшафтом (см.

ср. ирл. *co-brith* ‘помощь’, *cobir*, и т.д. Их использование некорректно (см. о приведенных формах, имеющих различную этимологию, Schumacher et al. 2004: 218–9 и 538–9), и, в любом случае, мы имеем дело тут с явлениями на морфемном шве после префикса *co(m/n)-* (см. DCCPN: 15). В указанной же позиции **-mb-* всегда сохраняется в галльском собственно Галлии (Evans 1967: 405), а в «восточнокельтском» отмечена возможность **-mb-* > *-(m)-* (Eska 2013: 55), что характерно и для цизальпийского галльского, см. Eska 2002. Поздняя аттестация гидронима (конец тринадцатого века) ставит дополнительные препятствия кельтской атрибуции, о чем см. ниже.

Pieta 2010: 13–14 *et passim*), и на этих территориях исследователи помещают и другие населенные пункты, упомянутые Птолемеем. Одно из них, Καλαμαντία, как было показано, не является кельтским по происхождению — см. (по-разному) Falileyev 2014: 112–14 и Repanšek 2015, а также иные подходы к его анализу, приведенные в Scheungraber, Grünzweig, Nedoma 2014: 118–20. Название Ἀναυον позволяет кельтскую лингвистическую интерпретацию (ср. De Bernardo Stempel 2008: 188), однако имеются существенные вопросы касательно и чтения топонима, и его местоположения (Falileyev 2014: 52–3 и 131–32). Иные табулирование местонахождений этого населенного пункта можно найти в Kukuča 2017: 43, где, между тем, вблизи от Σιγγόνη локализуется птолемеевский топоним Ἀρσικοῦα (с. 62), ср. уже Šimek 1949: 108 или Řehák, Květ 2002: 52. Впрочем, известны и иные его локализации, а кельтская лингвистическая интерпретация этого географического названия весьма проблематична и допускает иные лингвистические атрибуции, см. Falileyev 2014: 117–18. Птолемеевский Ἀνδοῦαίτιον, нередко рассматриваемый вместе с этой группой топонимов, все-таки достаточно далеко от нее отстоит чтобы рассматривать его в рамках указанного анклава, и его кельтское происхождение оспариваемо; см. Scheungraber, Grünzweig, Nedoma 2014: 64–5 и ср. его локализации, собранные в Kukuča 2017: 43.

Очевидно, что лингвистически кельтская интерпретация топонима, зафиксированного исключительно в *Географии* Птолемея как Σιγγόνη, является весьма маловероятной, а существующие попытки объяснить его с точки зрения сравнительной грамматики кельтских языков оказываются крайне неудачными. Понятно, что даже сама лингвистическая атрибуция этого географического названия не может не оставаться спорной, однако одну из них следует выделить. С учетом наличия в этих краях в античности насельников, говоривших на дакийском (ср. понятие «дако-кельтский горизонт» в археологических построениях, см. Pieta 2010: 46–54), и в связи с формальной возможностью сопоставить другие присутствующие в этом ареале топонимы с весьма ограниченным «дакийским» корпусом (см. Falileyev 2014: 112–15), попытки увидеть в Σιγγόνη собственно дакийское географическое название (см. обзор в Scheungraber, Grünzweig, Nedoma 2014: 315–16) представляются вполне уместными. Они основаны, в первую очередь, на сопоставлении Σιγγόνη с первой частью известного топонима *Singi-dava* в Дакии (см. Bogdan-Cătănicu 1987/8: 152–3), вторая часть

которого бесспорно является дакийской и означает ‘город’, ‘поселение’ *vel sim.*, см. в связи с этим Janakiewa 1990 и Sims-Williams 2006: 315–16. Понятно, что имеются сложности с интерпретацией этого компонента и на палеобалканском уровне (см. Falileyev 2013: 126–7), однако возможность анализа толемеевского Συγγώνη как дакийского географического названия нельзя исключать из внимания.

II. К предьстории гидронима Орава

Гидроним Орава засвидетельствован достаточно поздно (*Arawa* 1689, *Arua* 1287, 1316, 1330, *Arva* 1550, 1619, *Árva Fluß* 1786, *Arwa* 1323, 1677 и т.д.), и согласно А. К. Шапошникову (2012: 218) мы имеем тут «древнее субстратное словообразование, скорее всего, кельтского происхождения. Но не исключена возможность иллирийской или венецкой природы этого топонима»². Понятно, что об «иллирийской» или, тем более, венецкой версии происхождения речного названия говорить здесь не приходится (ср. Falileyev 2020: 972–3), и существенные возражения вызывает собственно кельтский подход к его анализу. Согласно Шапошникову (2012: 216), для его анализа «с учётом семантики нескольких гидронимов бассейна Оравы, таких как *Polianova*, *Pol'anový Kriváň*, *Pol'ana*, *Pol'anový potok*, *Pol'ansky potok*, *Pol'anka*, *Pol'anky*, однокоренных словц. диал. *polianka* ‘meadow, pasture, луг, сенокос, пастбище в лесу’ [...], следует вновь вернуться к этимологии на базе и.-е. **arəu-o-* ‘Ackerland, пашня, поле, пригодное для пахоты’ [...]. Даже в таком виде этимология гидронима Орава предполагает вполне удовлетворительную первичную семантику ‘река, местность, изобилующая полями, полянами в лесу, пригодными для пахоты’. Но нельзя полностью исключить и вторичную номинацию реки и ее долины по этнониму заселявшего местность племени. Т. е. ‘река / долина племени обитателей полей’». Исследователь предполагает, что «[о]собенно близкими древней форме гидронима Орава оказываются три галльских гидронима *Arva* — ныне реки *Erve*, приток *Sarthe* и *Sablé*; *l'Avre*, приток *Eure*; *l'Auve*, *Arvanna* — ныне река *l'Orvanne*. Упомяну также производные этнонимы *Arvii*, *Arvaci* = *Aravaci*, *Aravisci*» (loc.cit.). Для своих изысканий Шапошников использует данные и их достаточно пунктирный

² О суффиксе *-ava* в гидронимии Словакии см., напр., Závodný 2008.

анализ из компендия А. Холдера, и предложенная им интерпретация вызывает недоверие.

Оставляя в стороне этнонимы, чья интерпретация — несмотря на многие недавние попытки — остается достаточно спорной (см. DCCPN: 53, 55 и 59 с дальнейшей библиографией), обратимся к анализу собственно гидронимов современной Франции, приведенных в этой связи Шапошниковым. Как оказывается, в настоящее время исследователи действительно допускают лингвистически кельтское происхождение совр. *l'Arve* (две реки), *l'Evre* и *l'Arvan*, однако их этимология продолжает все равно вызывать споры. Так, Кс. Деламар возводит их к кельтск. **arvā < ? *arauā*, и описывает это построение как «pt.-ê. celtique **ar-awā* avec un deuxième membre mal identifié» (Delamarre 2012: 63). В более недавней работе этот же автор приводит кельтск. **aruo-*, который — как и Шапошников в своем анализе гидронима Орава — он сопоставляет с валл. *erw* 'поле' и т. д., однако указанные речные названия здесь он не приводит (Delamarre 2019: 82). В этом же труде мы находим и кельтск. реконструкцию, сопоставимую с приведенной выше «pt.-ê. celtique **ar-awā*», viz. *ar-aruo-*, которую Деламар осторожно глоссирует как 'предок'. Понятно, что семантически она нерелевантна для наших построений, и автор не иллюстрирует ее нужными нам гидронимами (Delamarre 2019: 70). Однако мы обнаруживаем *l'Aure* и *l'Evre* в качестве иллюстрации кельтск. **araro-*, впрочем, не снабженного никакими этимологическими комментариями и указанным без значения (Delamarre 2019: 92). Многие приведенные в этой словарной статье географические названия имеют, скорее всего, различное происхождение,³ и не кажется случайным, что Деламар сопровождает здесь список гидронимов ссылкой на Delamarre 2012.

Понятно, что спорность этимологии и продолжающиеся дискуссии о лингвистической принадлежности гидронима, приведенного в качестве параллели, не делают его автоматически некельтским, хотя уверенности в обратном они, конечно, не добавляют. В этой связи следует обратить внимание на косвенные аргументы, приводимые Шапошниковым в пользу своей гипотезы. Два из них — о кельтской принадлежности гидро-

³ ср. DCCPN: 65–6 и ср. Sims-Williams 2006: 205 по поводу различной лингвистической атрибуции географических названий типа *Arba*, *Arva*, часть из которых действительно можно было бы сопоставить с валл. *erw* 'поле'.

нима Ваг и оронима Бескиды в водосборе Оравы — нельзя признать лингвистически убедительными, см. Falileyev 2014: 48 и 111. Согласно Шапошникову, «[т]ретий косвенный аргумент — обилие местных названий, производных от праслав. слова **sigla* (предположительно кельтского происхождения)», и он тоже вызывает возражения. Во-первых, приведенные им иллюстрации кельтск. **sigl-*, **sigil-*, **sigol-*, позаимствованные у Холдера — *Sigliniacus*, *Sigillius* и *villam nomine Sigolam* — либо подозрительно поздно засвидетельствованы, либо позволяют иную лингвистическую атрибуцию. Во-вторых, предложенное тут возведение кельтских протоформ к и.-е. **seik^h*- ‘выливать, течь, протекать’ невозможно, а к **sei-*, **soi-* ‘капать, течь, протекать, сырой, влажный’ выглядит, по крайней мере, *ad hoc*. В-третьих, невозможно представить, что субстратный кельтский топоним так хорошо был представлен в поздно засвидетельствованной топонимии. Это могло бы быть, скорее, одним из многих наблюдаемых в Восточной и Юго-Западной Европе случайных совпадений (ср. название главы «The long arm of coincidence» в Sims-Williams 2006: 27–37) типа топонима Галац (Galați) в дельте Дуная в современной Румынии, который нередко сопоставлялся с этнонимом *галаты* древности. Действительно, эта территория представляла собой своеобразный «кельтский анклав», и его географические названия неоспоримо кельтского происхождения (типа *Noviodunum*) мы находим в Географии Птолема; см. подробно в Falileyev 2007: 3–10. Однако этот топоним зафиксирован впервые в 1445 г., и его справедливо сопоставляют с куманск. *galat* (< перс. کلات ‘крепость’), см. Falileyev 2014: 34–39, где приводятся и другие примеры. В-четвертых, Шапошников сомневается в этимологии русск. диал. *сигла* ‘болото, топь’ М. Фасмера, однако эти сомнения не делают его кельтским по происхождению — см. в этой связи элегантное исследование Ю. А. Лаучюте (1986), посвященное этой группе слов, сохранившейся во многих языках.

Таким образом, ни этимологическое обоснование, ни косвенные аргументы в пользу кельтского лингвистического происхождения гидронима Орава не могут быть приняты. Конечно, территория, по которой протекает эта река, была связана с «кельтскими» передвижениями и поселениями по археологическим данным; см. в этой связи Pieta 2010: 32–6 *et passim* об «оравской археологической группе» или даже многозначительное название «Кельты на Ораве» заметки Huba 2014. Однако

наблюдения археологов не делают местные географические названия кельтскими по происхождению автоматически. Более того, комплексное исследование кельтской топонимии континентальной Европы, которое продолжается системно несколько десятилетий, указывает на то, что на востоке и юго-востоке континента гидронимы кельтского происхождения неизвестны: см. Falileyev 2014: 39–46 и Falileyev 2020. Примечательно, что сам Шапошников ссылается на полдюжины исследований, в которых рассматриваются славянские и до-славянские интерпретации гидронима Орава. К ним можно добавить и ряд других известных работ, в том числе и труды З. Бабука, в которой польским исследователем говорится о том, что даже при анализе его как предславянского нет никакой необходимости видеть в Ораве кельтский реликт (см. Falileyev 2014: 45).

В этой связи следует прокомментировать остроумную попытку А. И. Илиади (2021: 174) проанализировать гидроним *Nuduna*, локализуемый в этом регионе, как кельтское наследие. Согласно исследователю, его следует рассматривать «как сложное **nāu-dūn* ‘лодочная пристань’, ‘укрепление с пристанью для лодок’, ср. к составляющим др.-ирл. *nau* ‘лодка’ и *dūn* ‘крепость, крепостной вал’». Действительно, в галльском мы находим **nauo-* ‘корабль’ (ср. Auson. *Epist.* 22,1 *nausum*) и **dūno-* ‘крепость, город’ *vel sim.* (см. DCCPN: 26 и 18), и, формально, композит **nauo-* & **dūno-* легко вписывается в известную и популярную модель номинации населенных пунктов с компонентом **dūno-*. Действительно, кельтск. *Carro-dunum* с многочисленными аттестациями по всей Европе представляет собой точную морфологическую параллель предложенной реконструкции, собственно ‘Город Колесниц’, см. Falileyev 2007: 14–7 и ср. Sims-Williams 2006: 60–1, Delamarre 2012: 107. Более того, исследователи отмечают использование кельтск. **nauo-* как в гидронимии, так и топонимии, см. Delamarre 2012: 204 но ср. DCCPN: 167. ‘Город Кораблей’, таким образом, оказывается вполне приемлемой интерпретацией (с участием других лексем подобные названия, возможно, и зафиксированы, ср. Sims-Williams 2006: 205), и если бы топоним ***Nauodunum* был бы обнаружен на карте Галлии, она была бы самоочевидной. А. И. Илиади полагает (*loc. cit.*), что на территории современной Словакии имеется «перенос на реку названия контактного географического объекта», и, действительно, подобные процессы весьма частотны в топонимии на островных кельтских языках. Для континентальной же древнекельтской

традиции наименования географических объектов, однако, подобное весьма нехарактерно, и если рассматривать предложенную гипотезу, то, получается, что кельтское название населенного пункта было перенесено на реку уже последующими насельниками региона. Этим можно было бы также попытаться объяснить развитие галльск. [au] в [u] в этом случае — как известно, в галльском дифтонг сохраняется, ср. Evans 1967: 145–7 и 395. Если же говорить о судьбе [ɥ] в интервокальной позиции в галльском, то отмечена тенденция к его исчезновению как в формах на *deo-* и *dio-* при *devo-* и *divo-* (Evans 1967: 397), хотя для «восточнокельтского» она не является определяющей (Eska 2013: 55).

При возможности такого формального подхода, однако, предложенный анализ предыстории гидронима *Nuduna* представляется маловероятным. Насколько мне известно, «кельтское» поселение, которое могло бы носить название ***Nauodunum*, в этих краях не идентифицировано, а первая аттестация гидронима датируется самым концом тринадцатого века. В принципе, представление о наличии древнекельтских гидронимов в Восточной Европе, как сказано выше, представляется неоправданным, а сохранение их до первых фиксаций в позднее Средневековье / Новое Время невозможным, ср. Falileyev 2014: 45 и Фалилеев 2020 в связи с рядом примеров с территории современной Украины. Для А. И. Илиади (2021: 174) важно, что *Nuduna* находится в ареале, «в котором логично ожидать сохранности кельтского топонимического субстрата, к коему причисляют и сам гидроним Орава [...] и его ономастическое окружение», ссылаясь на указанную работу А. К. Шапошниковой. Однако предложенные в ней лингвистически кельтские интерпретации и гидронима, и его окружения, как было показано выше — несостоятельны. Таким образом, при формальной правильности анализа гидронима *Nuduna* в рамках кельтского языкознания факторы системного подхода не позволяют принять гипотезу о его кельтском происхождении.

Попутно можно отметить, что предпринятое А. И. Илиади (2021: 174) объяснение названия притока Малого Дуная *Gardubarto*, *Gardubartu* как рефлекс кельтск. **karro-dubro-* ‘Каменная вода’ также вызывает существенные возражения. Конечно, этот регион современной Словакии известен своим «кельтским» археологическим присутствием, однако даже формально предложенный поход является проблематичным. При анализе первой части композита Илиади ссылается на данные

островных кельтских языков (напр., вал. *carreg* ‘камень’), однако существуют значительные сомнения в наличии соответствующей лексемы в галльском и ее выделение из ономастического ландшафта древнекельтской Западной Европы, см. DCCPN: 13 s.v. *car-*. Конечно, в этом компоненте можно попытаться увидеть галльское название колесницы как в *Carrodunum*, о котором см. выше, или слово, означающее ‘любовь’ *vel sim.* (возможные примеры даны в Delamarre 2019: 186–8 s.v. *car-*, *cara-*, *caro-*), однако для объяснения второй части композита *-dubar(to)*, *-dubar(tu)* опять становится необходимым сослаться на искажение галльск. **dubro-* ‘вода’ в местных языках, как и на потерю соединительного *-o-* и даже [k] > [g] в инлауте. Впрочем, Илиаде учитывает фактор языковой передачи гидронима и в финальной его части (*-to*, *-tu*) видит «венг. *tó* [*tava*, *tavat*] ‘озеро’, ‘пруд’, использованное авторами документов для рецепции чужого названия к мадьярской водной номенклатуре с *-tó* в исходе». В этом построении неучтенными оказываются другие написания названия (*Karduberka*, *Chaduwocha*), которые трудно примирить с реконструированным **karro-dubro-* (recte **kar(r)o-dubro-*). Предыстория гидронима остается неясной, но кельтским по происхождению он, в связи с указанным комплексом причин, не является.

Литература

- Blažek V. Onomastic Evidence for Early Germanic and Celtic Contact in Central Europe // *Revisiting Dispersions — Celtic and Germanic ca. 400 BC—ca. 400 AD*. Washington 2020. С. 143–161.
- Bogdan-Cătănciu, I. 1987/8: Ptolemeu și Provincia Dacia. *Acta Musei Napocensis*. V. 24–5, 145–162.
- DCCPN — Falileyev, A. (in collaboration with A. E. Gohil and N. Ward). *Dictionary of Continental Celtic Place-Names*. Aberystwyth, 2010.
- De Bernardo Stempel, P. 2008: Celtic settlements in the south of Germania Magna: Ptolemy’s Geographical guide II, 11 §§ 29–30. In: *Celtic and other languages in Ancient Europe*. Salamanca, 185–195.
- Delamarre, X. 2019: *Dictionnaire des thèmes nominaux du gaulois: I. Ab- / Ixs(o)-*. Paris.
- Delamarre, X. 2012: *Noms de lieux celtiques de l’Europe ancienne*. Paris.
- Eska, J. 2002: Aspects of nasal phonology in Cisalpine Celtic. *Studia linguarum*. Vol. 3, 253–275.
- Eska, J. 2013: A salvage grammar of Galatian. *Zeitschrift für celtische Philologie*. Vol. 60, 51–63.
- Evans, D. E. 1967: *Gaulish Personal Names*. Oxford.
- Falileyev, A. 2007: *Celtic Dacia. Personal names, place-names and ethnic names of Celtic origin in Dacia and Scythia Minor*. Aberystwyth.

- Falileyev, A. 2013: *The Celtic Balkans*. Aberystwyth.
- Falileyev, A. 2014: *In search of the Eastern Celts. Studies in geographical names, their distribution and morphology*. Budapest.
- Falileyev, A. 2015: Where linguistics fails: towards interpretations of some divine names in the Roman Danubian Provinces. *Culti e religiosità nelle province Danubiane*. Bologna, 167–176.
- Falileev, A. I. 2020: [Again about the Celtic hydronyms of the Northern Black Sea region]. *Vestnik drevney istorii [Bulletin of ancient history]*. Vol. 80/4, 970–978.
- Фалилеев, А. И. 2020: Вновь о кельтских гидронимах Северного Причерноморья. *Вестник древней истории*. 80/4, 970–978.
- Huba, P. 2014: Kelti na Orave. In: *Kelti na Slovensku: zbornik z konferencie 2014*. Žilina, 46–50.
- Iliadi, A. 2021: Miscellanea etymologica: toponymica. *Naukovi zapiski. Central Ukrainian State Pedagogical University named after V. Vinnichenko*. Series: Philological sciences. 193, 171–176.
- Илиади А. 2021: Miscellanea etymologica: toponymica. *Наукові записки, Центральноукраїнський державний педагогічний університет імені Володимира Винниченка*. Серія: Філологічні науки. 193, 171–176.
- Janakiewa, S. 1990: Apparition, diffusion et variantes des noms de lieux thraces a deuxieme theme -daba, -daga. In: *Studia in honorem Borisi Gerov*. Sofia, 120–124.
- Kukuča, J. 2017: *Dešifrovanie Magny Germánie (najstaršia mapa Slovenska a strednej Európy)*. Brno.
- Lauchyute, Yu. A. 1986: The role of extralinguistic factors in the etymologization of geographical terms. In: *Etymology 1984*. Moscow, 115–119.
- Лаучюте, Ю. А. 1986: Роль экстралингвистических факторов в этимологизации географических терминов. В сб.: *Этимология 1984*. М., 115–119.
- Matasović, R. 2009: *Etymological dictionary of proto-Celtic*. Leiden, Boston.
- Pieta, K. 2010: *Die keltische Besiedlung der Slowakei. Jüngere Latènezeit*. Nitra.
- Řehák, S., Květ, R. 2002: Eine neue Stellungnahme zum Groß-Germanien des Ptolemäus. *Regensburger Beiträge zur Regionalgeographie und Raumplanung*. Vol. 8, 41–56.
- Repaňšek, L. 2015: Καλαμαντία (Ptol. II,11,15). *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 19, 780–790.
- Repaňšek, L. 2015: Καλαμαντία (Ptol. II,11,15). *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Т. 19, 780–790.
- Scheungraber, C., Grünzweig, F., Nedoma, R. 2014: *Die altgermanischen Toponyme sowie ungermanische Toponyme Germaniens*. Wien.

- Schumacher, S., Schulze-Thulin, B., aan de Wiel, C. 2004: *Die keltischen Primärverben*. Innsbruck.
- Shaposhnikov, A. K. 2012: [Several arguments in favor of the Celtic etymology of the hydronym Orava]. In: *Jednotlivé a všeobecné v onomastike. 18. slovenská onomastická konferencia*. Prešov, 216–219.
- Шапошников, А. К. 2012: Несколько аргументов в пользу кельтской этимологии гидронима Орава. В сб.: *Jednotlivé a všeobecné v onomastike. 18. slovenská onomastická konferencia*. Prešov, 216–219.
- Sims-Williams, P. 2006: *Ancient Celtic Place-Names in Europe and Asia Minor*. Oxford.
- Stifter, D. 2012: Inscriptions Pseudocelticae. Wrong and premature ascriptions of inscriptions as Celtic. In: *Interpretierte Eisenzeiten*. Linz, 293–301.
- Stifter, D. 2015: Über die germanischen Namen auf den boischen Grosssilbern. In: *Germanische Altertumskunde: Quellen, Methoden, Ergebnisse*. Wien, 349–354.
- Šimek, E. 1949: *Velká Germanie Klaudia Ptolemaia*. Svazek III. Část 1. Brno.
- Závodný, A. 2008: Distribúcia sufixu *-ava* v slovenskej hydronymii. *Ономастичні науки*. № 2, 48–52.